Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

SOSтояние энергетики на Западе

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Тема О. МЕЕРСОН (г. Челябинск), поступившая на конкурс.

КРОКОДИЛ

№ 2 ● ЯНВАРЬ 1974

— Перехожу в команду шестого дома: там обещают за меня уроки делать.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Михаил ВЛАДИМОВ

Сережу нянчить некому...

Родился сын Сереженька
У Коленьки и Наденьки:
Хорошенький-хорошенький,
Забавненький-забавненький.
Но дни пошли нелегкие:
Морока с детпитанием,
И канитель с пеленками,
И сложно с воспитанием...

Сказала маме доченька:
— Отстану, сидя дома, я!
Ты посиди с хорошеньким,
Я допишу дипломную...

Но мама возразила ей:
— Когда мне нянчить отпрыска?
Ты — над дипломом, милая,
А я тружусь над докторской!
Я б рада — время дорого...
Пусть посидит с ним бабушка:
Я помню, очень здорово
Она мне пела «ладушки»...

А бабка: — Я б с охотою,
Ребячьи знаю песни я,
Но я ж еще работаю,
А не сижу на пенсии.
Сережу нянчить некому?
Так есть на то прабабушка,
Еще старуха крепкая,
Живет она в Алабушках...

И Наденька с Сереженькой
Собрались в путь-дороженьку.
Приехали в Алабушки
И услыхали:
— Ладушки?
Ученая не очень я,
Два класса лишь окончила,
А, между прочим, нянчила
Почти полрода нашего:
Ученого,
Учителя,
Актрису и геолога,
Биолога,
Строителя
И отоларинголога...
Учись, головка светлая!—
Сказала Наде.— Выручу:
Конструктора ракетного
Али министра вынянчу!

— К вам можно?

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

ВИЛЫ В БОК!

НОВОСТИ МЕДИЦИНЫ

Вот уже две зимы подряд в городской больнице № 16 Новокузнецка, Кемеровской области, практикуется лечение холодом. Но эффект лечения оказался поразительным: больница опустела. Правда, опустела не оттого, что все больные выписались. Увы! Больные просто сбежали. От лютого холода, сковавшего все палаты. Что касается медперсонала, то он согревает себя беспрестанным писанием жалоб в местную газету. Жалобы обсуждались на сессиях районного Совета. Толку никакого...

В новом зимнем сезоне лечение холодом продолжается.

М. ПРУСОВА.

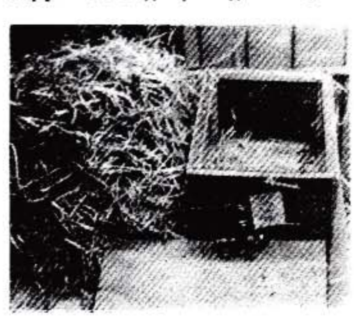
«ВАРЕНИК» ИЗ ГЛАВКА

Когда лепят вареники с вишнями, то в один из вареников кладут всего одну вишенку. Получается как бы вареник-сюрприз. Кому из едоков он достанется, тот, значит, счастливый.

Производственный вариант этой домашней игры родился на Советской улице города Алма-Аты, в доме № 50. Расположенный по этому адресу «Главкомплект» прислал Павлодарскому заводу столовых приборов посылку. Размер ее по традиции был внушительным.

— Это, вне всякого сомнения, мойка,— окинув упаковку опытным взглядом, единодушно решили получатели и уже при легком вскрытии посылки были посрамлены. Ящик оказался до отказа набитым обыкновенной металлической стружкой.

«Варенику» из главка учинили, понятно, тщательный досмотр, и «вишенка» была обнаружена. То оказался любовно укутанный металлической стружкой водопроводный кран.

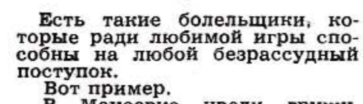

В отличие от счастливцев, кушающих вареники, обладатели сюрприза по-алма-атински веселились недолго — до того момента, как представитель объединенной дирекции строящихся предприятий облместпрома развернул приложенный к посылке счет. Он в 20 раз превышал стоимость крана. Хороша оказалась «вишенка»!

И в этом, собственно, была вся разница между домашней и производственной «вишенками».

В. МЯТЧЕНКО.

г. Павлодар.

ПУСТЬ ОВЛАДЕВАЮТ...

Есть такие болельщики, которые ради любимой игры способны на любой безрассудный поступок.

Вот пример.

В Макеевке цвели груши, когда шахта «Чайкино-Глубокая» подкопалась под среднюю школу № 21.

Летом здание школы дало осадку. Осенью комиссия запретила детям там заниматься, потребовав ремонта. И ребят временно перевели в другую школу. В юношескую спортивную. Две четверти школьники сидели на матах, а учителя вздыхали:

— Где наглядные пособия? Где препараты для опытов?

Обеспокоенные родители побежали в шахтоуправление.

— Когда начнете ремонт прежней школы? Детям никаких условий! Вот и постановление горсовета!

— Почему никаких условий? — удивилась дирекция шахты.

— Потому что школа спортивная! Трудности с химией и литературой.

— А с физкультурой как? Мячом ученики овладевают?

— Мячом-то овладевают...— начали родители.

— Вот и хорошо,— обрадовалась дирекция.— Пускай продолжают овладевать! Это — главное. Пусть вырастут из них будущие Пеле и Стрельцовы — герои футбольных полей!

И не стали ремонтировать нормальную среднюю школу № 21.

С. БОДРОВ.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

У меня недавно в быту большая неприятность учинилась. Ковер продырявило. Под ним электропроводка от короткого замыкания горела.

А тут как раз объявление в газете на глаза попалось о том, что фирма «Волга» открыла мастерскую именно по ремонту ковров. Приволок я туда пострадавшего. Начали мастера дыру мерить. Долго мерили. Вшестером. Потом цену за ремонт огласили...

И тут, смотрю, шерсть на ковре дыбом встала: цену за ремонт мне назначили 660 (шестьсот шестьдесят) рублей. А мой ковер новехоньким стоил двести шестьдесят.

Г. СПИЦЫН.

г. Волгоград.

В ОБНИМКУ СО ШКАФОМ

Сломался у меня замок от шкафа. Позвонила в наше новгородское бюро добрых услуг. По телефону 97-53-75.

— Вот беда, — говорю. — Что теперь делать?

— Приезжайте, — отвечают.

— С замком?

— Нет, со шкафом.

— Так ведь не шкаф сломался, а замок.

— Понимаем, что замок.

— А не смешно ли будет, — спрашиваю, — если я через весь город в обнимку со шкафом поеду замок чинить?

— Дело ваше, — говорят мне вежливо, — хотите смейтесь, хотите плачьте.

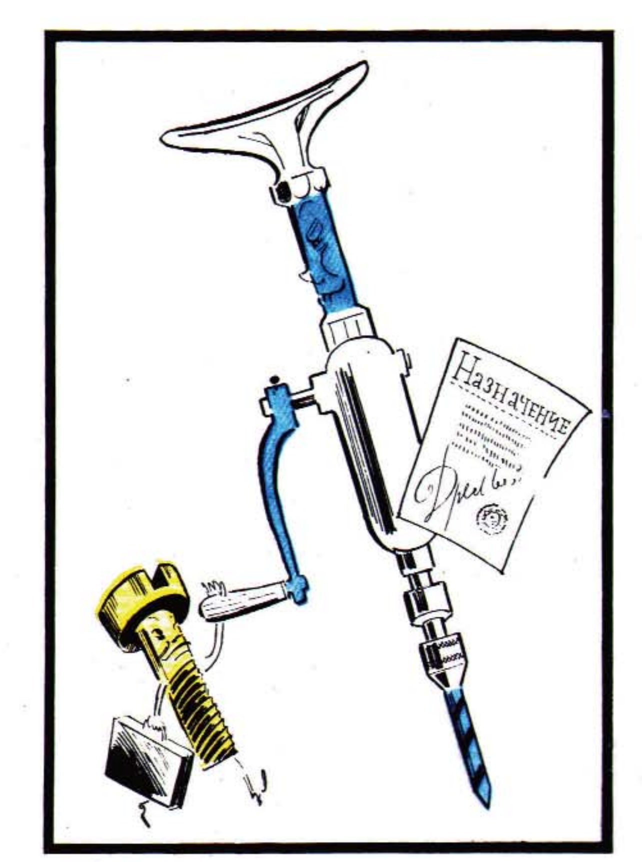
Вот и думаю я: плакать мне, в самом деле, или смеяться?

О. КАЛИНКИНА.

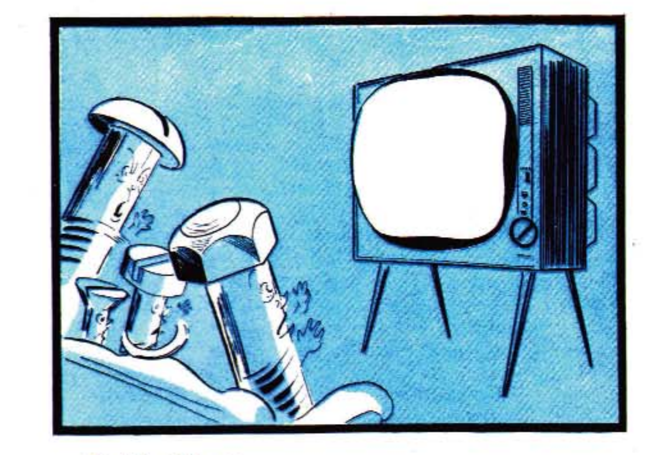
г. Новгород.

М. БИТНЫЙ

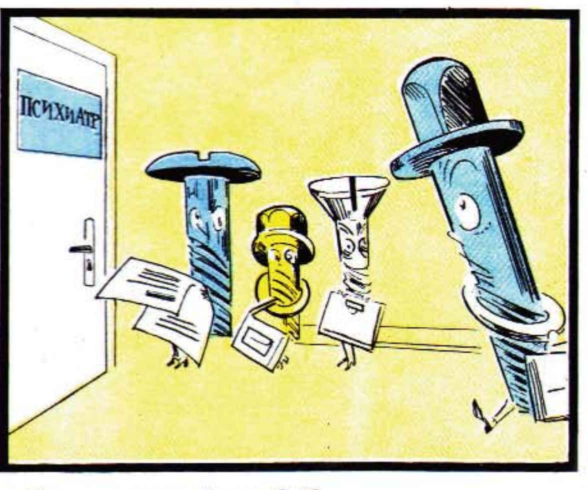
ВИНТИКИ-БОЛТИКИ

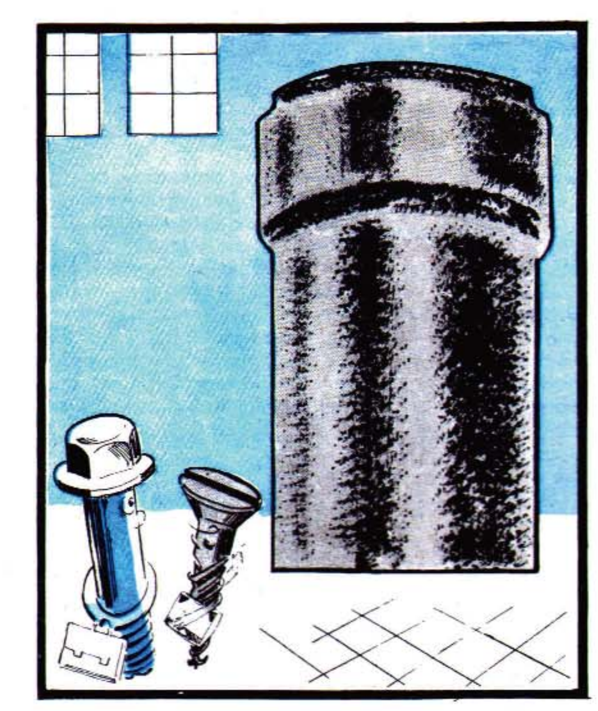
Протеже.

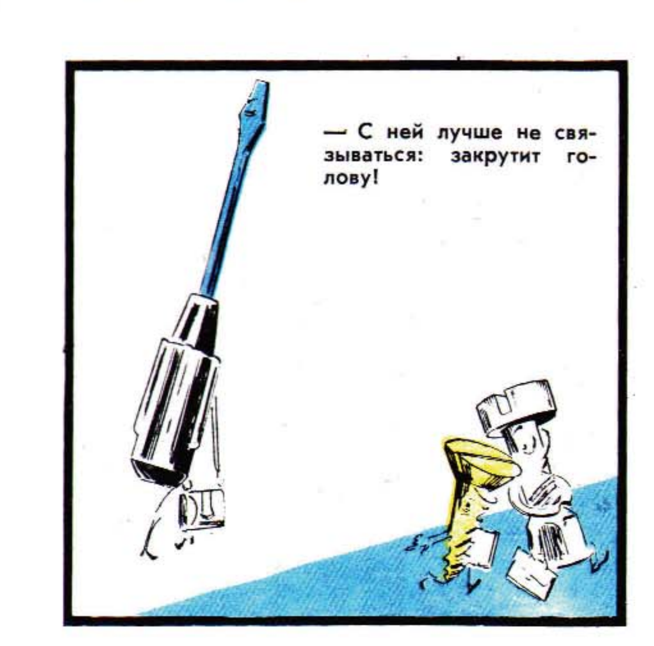
— Шайбу! Шайбу!

— Вы тоже с левой резьбой?

— Я сам был такой же болванкой, пока не сняли стружку.

— С ней лучше не связываться: закрутит голову!

МИМОХОДОМ

Начало всех начал — уметь свести концы с концами.

Ю. НИКОЛЬСКИЙ.

Разглядеть его творческое лицо мешала растительность.

Ю. ШАНИН.

Мазь для втирания в доверие.

А. ГУРЕВ.

Дожил ли изобретатель колеса до его внедрения?

В. ВЛАДОВ.

Объявление: пункт обмена часов на минуты.

О. РИСС.

Заповедь плагиатора: быть ближе к оригиналу.

А. СИВЦОВ.

— Проба пера, — сказал Ястребок, ощипывая Голубя.

О. СЕИН.

Я знаю, слава меня найдет, но, может быть, сообщить ей почтовый индекс?

А. ЛЕВ.

А. ВИХРЕВ

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Товарищи и дорогие сограждане, пособите, кто может! Пришлите переводом две копейки на мое имя в Нюрдор-Котьинское отделение связи, откуда я и взываю к вам в данный момент. Как раз этой суммы у меня недостает, чтобы оплатить за авиаконверт. На простой, четырехкопеечный, я наскреб, а надо, хоть убейся, на авиа.

Тут, понимаете, меня поставили в такие обстоятельства, что ежели я не отправлю письмо авиапочтой, то не отправлю, стало быть, и вовсе. А письмо послать необходимо надо, поскольку оно не личного или, допустим, частного содержания, а нацелено на общегражданское благо. И адресовано самому министру юриспруденции или на худой конец его главному помощнику по юридическим вопросам законодательства.

Чтоб вы не сомневались, что 2 коп. пустили на стоящее дело, могу накоротке передать, о чем я веду речь в письме.

Последнее время, как посмотришь, развелось немало «законников», которые, чуть что, поднимают крик: «Самоуправство! Несоблюдение правовых норм! Самочинные действия!» Теперь едва не каждый позволяет себе судить и обсуждать, что́-де состоит в рамках закона, инструкций и правил, а что за эти рамки, дескать, выходит. И от этих криков, как вы понимаете, происходят всякие ненужные нам обоюдные конфликты и чреватые последствия.

Между тем, доказываю я научно в своем письме, такую анархию следует пресечь как чуждую отрыжку легкомыслия нравов. Доказываю, не витая в умозрениях, а на примере имеющих быть фактов.

Спрашивается у вас: как привлечь всех поголовно работников объединения предприятий розничной торговли на производственное собрание? Ясно и понятно, что собрание — это не какие-то там поющие сиреневые гитары или прыг-скоки с голыми ляжками и тому подобные модные ай-реву, на которые люди летят, как мухи на мед, в любое время, забывая про служебный долг; собрание — мероприятие нужное. Поэтому самый верный способ — провести его в рабочее время буднего дня, определив при этом меру воздействия на возможных дезертиров. Именно так и поступило руководство Плоскошского объединения Торопецкого райпо, Калининской области, разославши повестки своему штатному составу. С вежливым предуведомлением, что неявка на собрание будет приравнена к прогулу.

Полагаю, что руководству в лице заместителя директора товарища Рубана и председателя месткома товарища Фаенковой виднее, как спланировать собрание, чем рядовым работникам розницы. И однако же посыпались безответственные реплики: почему, дескать, в рабочее время, когда положено, мол, обслуживать население, при чем тут прогул и прочее? В общем, откровенная демагогия, прикрывающая неуважение к вышестоящим решениям.

Или, скажем, диву даешься: как хватает нахальства у постояльцев общежития Михайловского горно-обогатительного комбината, что в Железногорске, беспокоить высшие инстанции по случаю досмотра их личного барахлишка администрацией в виде коменданта Никишиной З. П. совместно с представителем власти в виде участкового милиционера. Обиделись, фу-ты, ну-ты! А что похищено гос. имущество в лице стабилизатора от телевизора — это их, конечное дело, не волнует. По какому праву, дескать, перетрясли вещички у всех у нас у трехсот постояльцев в наше отсутствие, набросив, мол, этим самым подозрение на каждого? Я бы на это выдвинул встречное уличение: а кто докажет, что именно так и не было — выкрали стабилизатор всем общежитием в сговоре на предмет продажи по спекулятивной цене и последующей раздележки вырученной суммы?

Считаю действия администрации воспитательно разумными и в части изъятия колоды карт из личного имущества электромонтажника Есина П. И. по ходу досмотра. Претензия же гр-на Есина в том плане, что карты он купил-де на свои деньги в государственном магазине, не что иное, как уже знакомая нам, сами понимаете, демагогия. А когда этот собственник, вконец разнуздавшись, ехидно поддевает в том смысле, что не следует ли, мол, иметь специальное разрешение на покупку карт, как, положим, на покупку охотничьего ружья, то я бы ему на эту провокацию дал такой достойный ответ: а что ж, и очень даже не худо было бы. И выдавать бы соответствующие разовые лицензии на приобретение карт при наличии медико-психо-свидетельства в установленном порядке. Ежели бы, к слову сказать, мы почаще отвечали на вылазки антиобщественных «законников» в таком боевитом духе, как это присуще лучшим слоям общества вроде меня, то уже давно вышли бы в области моральной этики на новые рубежи.

А покуда мы будем с такими типами деликатничать и нянькаться, они будут, ясное дело, только хаметь без зазрения совести. Вы посмотрите, до чего доходит: уже начинают качать права и такие личности, которым сидеть бы себе и тихо-смирно помалкивать в тряпочку, как, например, некоему гр-ну Свергуну И. Ф. Он же вместо этого пишет в столицу нашей Родины кляузу на дирекцию совхоза «Заозерный» и пытается обсмеять ее правомочные и воспитательно здравые действия. А именно. Ему, видите ли, не пришлось по вкусу присланное от дирекции извещение следующего текста:

«Свергун Иван Федорович! Дирекция совхоза «Заозерный» сообщает, что, если вами не будет сообщено в Изобильненский нарсуд Судоисполнителю ваше место жительство и ваш адрес, на вас будет объявлен всесоюзный розыск и все расходы будут отнесены за ваш счет. Срок ваш 10 дней. Адрес ваш нам известен».

Может, я понимаю, кому-нибудь вроде этого «здравомыслящего» гр-на Свергуна И. Ф. покажется несообразным, почему дирекция сама не дала нарсуду его адрес, по которому послала это письмо. Конечно, дирекции нетрудно было сообщить в нарсуд адрес Свергуна И. Ф., но такое половинчатое действие не способствовало бы осознанию указанным гр-ном своей ответственности перед органом суда в виде Судоисполнителя.

Как вы заметили, я беру такие примеры, когда гр-н про себя понимает разумность данного распоряжения, продиктованного самыми благими намерениями, однако же делает удивленные глаза и с притворной озадаченностью вопрошает: помилуйте, мол, а как это все сообразуется с существующими законами и правилами, где тут логика и здравый смысл? И т. п. в том же роде.

Известно, положим, что в последние годы возникли временные трудности с дефицитом носовых платков. Ясно, что в таких условиях продавать платки свободно всем и каждому было бы опасным волюнтаризмом. Понятно, что в первую голову надо обеспечить остронуждающихся. И разумно, на мой взгляд, решили в городе Жигулевске — отпускать платки носовые только по предъявлении справки о наличии в доме покойника. А гр-н Клокотин А. А., посетивший магазин «Ткани» на улице Пушкина и не отоварившийся, зловредно пишет в инстанции о нарушении правил советской торговли и фальшиво удивляется: «Ну зачем мертвому носовой платок?» А между прочим, кому же не ясно, что платок нужен родным и близким усопшего для утирания самопроизвольной слезы?

Полагаю, что из всего вышеизложенного неоспоримо вытекает: пора горлодеров-«законников» осадить и поставить на место. Властям же на местах разрешить издание приказов и распоряжений по потребности, то есть любых таких, к каковым вынуждают наличные обстоятельства и соображения высшего порядка. С этим и обращаюсь я к министру юриспруденции или хотя бы его главному помощнику по юридическому законодательству в надежде на утвердительное принятие моего почина.

Как видишь, дорогой неизвестный мне друг и товарищ, прошу я 2 коп. не на личную праздную безделицу, а бескорыстно — на предмет всеобщегосударственного и морального значения. Обошелся бы я, конечно, и простым четырехкопеечным конвертом, да не могу: на днях вышло указание начальника Вавожского агентства связи Удмуртской АССР товарища Никитина не принимать к отправлению простые письма, а только авиа. Соответственно было произведено изъятие из продажи всех простых конвертов во всех торговых точках района, в том числе и в поселке Нюрдор-Котья, откуда я к тебе и взываю в данный момент.

Прошу понять меня правильно! Ни на грамм не сомневаюсь в разумной целесообразности пресечения почтовых отправлений! И вот именно поэтому, считаю, было бы обидно, ежели б это мероприятие причинило заминку в скорейшем узаконении моего несомненного рацпредложения.

Остаюсь в ожидании (подпись от волнения неразборчива).

Рисунок Л. ФИЛИППОВОЙ

Многостаночник.

Рисунок Е. ГУРОВА

Игорь ТАРАБУКИН

В магазине

В магазине у прилавка
Толчея весь день и давка.
Ждут косынки из мохера
О дубленках пущен слух!..
Ждут их тридцать
три курьера,
Шестьдесят два инженера,
Пять закройщиц, три
шофера
И еще один главбух.

Дефицитного товара
Целый день прождали
даром.
Оказалось, нет мохера,
О дубленках
только слух...
Вновь с утра стоят
курьеры,
Шестьдесят два инженера,
Пять закройщиц,
три шофера
И еще один главбух.

Говорят они: — Скажите,
Отчего все в дефиците!
Вот, к примеру,
нет мохера,
О дубленках
лопнул слух...
Возмущаются курьеры,
Шестьдесят два
инженера,
Пять закройщиц,
три шофера
И еще один главбух.

Оттого нет,
между прочим,
Что в разгаре
день рабочий,
А они тут ждут мохера,
О дубленках
греют слух —
Ровно тридцать три
курьера,
Шестьдесят два
инженера,
Пять закройщиц,
три шофера
И еще один главбух!

Вл. ИВАНОВ

ТЕХНИЧЕСКАЯ ИДЕЯ

Рассказ

Договорник-умелец Денис Пивоваров прочитал в журнале «Техника — молодежи» о строительстве квартир с меняющейся планировкой комнат. Ну, вроде того, как меняется геометрия крыла самолета. Прочитал и задумался: как изменить планировку в своей единственной комнате?

И возникла идея: отпихнуть капитальную стену на квадратные метры соседа К. Остроумова, диссертирующего на острове Врангеля.

Тут позвал Денис Пивоваров слесаря Сысоева, сделал слесарь надгрызы в стене, подпер домкратом и двинул, отчуждая одну комнату диссертанта для Пивоварова. Потом заштукатурили, побелили надгрызы. И соорудил Денис из громадного зала две светлицы, к которым быстро привык.

Но вернулся из командировки диссертант Остроумов. Погруженный в биологию кайр, он ничего не заметил, выпил в гостиной чаю, но когда пошел за пижамой в спальню, неожиданно наткнулся на стену. Это его озадачило. Он вышел в коридор посмотреть на номер квартиры. Ошибки не было. Он снова подошел к злополучной стене, нервно осязнул штукатурку. Заломило в висках.

Разделив лоб указательным пальцем на две равные части, Остроумов пытался собраться с мыслями.

— Если нет пижамы, висевшей в спальной комнате, следовательно, нет самой комнаты!— Это открытие так потрясло его, что пришло вдруг решение проблемы биогеоценозов Севера, над которой он бился множество лет. Нацарапав тезисы на свежей побелке, он вернулся к квартирной проблеме.

— Остается еще один вариант: здоров ли я?

В тот же день научный работник пришел в поликлинику.

— Я думал, что имею двухкомнатную квартиру, а оказалось, что живу в однокомнатной,— пожаловался он доктору.— А мне надо две комнаты. Я научный работник, и ко мне приезжает бабушка.

Молодой врач велел вытянуть руки вперед и показать язык. Потом ударил молоточком в колено и сказал:

— Реакция — класс!

Потом, проверяя способность больного к логическому мышлению, быстро задал вопрос:

— При условии выполнения одинаковой работы какой оклад вы предпочтете: сто или сто десять рублей?

— Сто пятьдесят,— привскочил пациент.

— Прекрасно!— одобрил доктор и тут же дал рецепт:— Эти таблетки пейте три раза в день после еды.

Диссертант добросовестно выпил таблетки, но жилплощадь так и не приросла.

Жалким и потерянным, утратившим симметрию лица от горьких таблеток, увидел его однажды на лестничной площадке слесарь Сысоев.

— Что с тобою, наука?— спросил участливо слесарь.

— Да вот история — живу в однокомнатной квартире, а плачу за две комнаты. И никто не может объяснить это явление,— закончил он с горячечным блеском в глазах.

— Очень просто,— сказал слесарь, гордившийся тем, что читает техническую литературу.— Утруска дома произошла, сырой был материал. А в общем, дело поправимое. Могу, наука, помочь. Верну твою комнату, а хочешь — так две!

Договорник-умелец Денис Пивоваров укатил тем временем в далекий город повидать любимого брата. Попутно отправил в деревню племяннику телеграмму приехать доглядеть за квартирой.

Вскоре от племянника пришло письмо:

«Дорогой дядя, устроился я, только странную имеешь жилищу: коридор, кухня, а комнаты нету. Сплю в ванне...»

— Передвинул!— в отчаянии воскликнул Денис.

— Кто передвинул, что передвинул?— испуганно справился любимый брательник.

— Диссертант стену передвинул. Ах, подл...

Расстроенный умелец вернулся домой. На лестничной площадке его уже ждал слесарь с домкратом в руке.

— Ну что. Будем сызнова начинать?— Слесарь деловито плюнул в ладонь.

г. Челябинск.

С. СПАССКИЙ

АВТОБУС НА ВЗЛЕТЕ

По кромке Янаульского аэродрома шагает, не торопясь, дежурный диспетчер Гордеева. Скучно диспетчеру Гордеевой, но понять ее можно. Янаул — аэропорт местного значения, остановка самолетов рейса Москва — Токио там не предусмотрена. И не приходится диспетчеру возвещать красивым грудным голосом: «Леди энд джентльмены, прошу пройти на посадку в самолет, спасибо за внимание, сэнк ю».

Игнорируют пункт Янаул изысканные леди в норковых палантинах, не дымят сигарами джентльмены. Есть три самых обычных, рядовых до зевоты пассажира: граждане Ширинкина, Хазиев и Зарипов. И, тарахтя, выруливает на дорожку, стыдно сказать, «АН-2», поршневой лайнер. У пассажиров мизерные, будничные заботы. Они прилетели из Нефтекамска, им хочется, согласно билетам, лететь дальше, в Пермь, и вот уже пятый час они маются в душном зале. Что же, неледи энд неджентльмены, в таком разе поговорим с вами по-свойски. До посадки пять минут, а ну-ка, ваши билеты, ну-ка, ваши контрольные талоны.

Легкий испуг среди пассажиров: талоны ж оторвали в Нефтекамске, у летчиков талоны. Гордеевой подробности малоинтересны, а летчики ваши тю-тю, другим рейсом уже улетели. Как же быть, товарищ диспетчер? Ну, свяжитесь с Нефтекамском, товарищ диспетчер, ну, пожалуйста! Товарищ диспетчер молчалива и холодна, как мрамор. Но, подумав, снисходит: не наши вы — нефтекамские. В Нефтекамске и утрясайте ваши проблемы. Телефон? Радио? Тоже мне, хо-хо. министры — засорять оперативные каналы связи. Вон-вон автобус ползет на Нефтекамск, бегом если, как раз и успеете.

Читатель, знаете ли вы, кем, когда и для чего отрывается контрольный талон авиабилета? Не знаете, и правильно делаете. Для этих знаний выпестован специально обученный штат кассиров, регистраторов, диспетчеров и бортпроводников, им и талоны в руки. И если кто-то не вовремя и не так оторвал талон, мыслима ли следующая ситуация: вот уходит самолет на Пермь, а пассажиры его трясутся автобусом за шестьдесят верст в противоположную сторону, в пункт отправления Нефтекамск?

А в Нефтекамске тоже не октябрята занимают посты, люди рассудительные. Рассуждают так: мы вас в самолет усадили? Усадили. Вы улетели? Улетели. Вольно же вам было возвращаться.

Но, подумав, снисходят. Устанавливают, хоть и не хочется, связь с Янаулом. Препираются долго, уже время ужинать, тут и приходят к соглашению.

— Где там эти трое? Сюда их!

Трое искательно заглядывают в глаза судьбе.

— Сделаем так: езжайте опять в Янаул, вдруг начальник аэропорта вам и поможет. Как это далеко? А сюда ехали — ближе было? Армстронг до Луны доехал, и ничего, не рассыпался. Уже автобус не ходит? А мы при чем? Мы за автотранспорт не отвечаем. Добирайтесь на попутке. Сегодня чего у нас? Сегодня у нас, ага. воскресенье. Значит. ихний начальник отдыхает. Ну, разберетесь там. Квартиру его поищите: где-то он должен находиться. Вот дома, по-семейному, и разрешите вопрос.

...Ах, эта беспомощность затюканного человека, эти чемоданы, бьющие по ногам при перебежках по указанию непреклонных распорядителей! Нутром чувствует человек, что право за ним, а с их стороны — обязанность. а на деле почему-то получается все наоборот. И ладно бы частнику по необходимости подчиняться, нехорошему хапуге, а ведь — государственное предприятие, на узаконенной зарплате которого сидят эти бесшабашные головушки, недообслуживающий персонал, рыцари сервиса...

Права диспетчер Гордеева, не Москва — Токио эта трасса. Не для нее сочинялся лозунг «Летайте самолетами «Аэрофлота»,— для других трасс, которые подалее.

— Да, — обидятся гордеевы, — не лишку ли хотите? Мы приходим на службу вовремя, умытые и тверезые. Цельный день утрясаешь, согласуешь, распоряжаешься и выполняешь указания непосредственно. И ежели с парой-тройкой посторонних транзитников что-то не так вышло, да боже ты мой, на всякий чих не наздравствуешься...

А как же? Надо наздравствоваться. Человек купил билет и за это хочет получить минимум — только то, что положено, на пушистую ковровую дорожку через все поле к самолету он не претендует.

Ширинкина просится в Пермь, Гордеева просится в фельетон. Им надо пойти навстречу.

— Еле уломали бабку переехать!

Рисунок И. СЫЧЕВА

Овлякули МОВЛЯМОВ

Золотые минуты

Рассказ

Новый директор приказал рабочим срочно собраться в заводском клубе. Он решил познакомиться сразу со всем коллективом вверенного ему предприятия. Оставив свои рабочие места, люди поспешили выполнить приказание. В огромном зале не было ни одного свободного места. Стоял тот робкий шумок, когда люди терзаются неизвестностью. Каков он, новый директор? Как будет руководить? Изменятся ли дела на заводе к лучшему?

Я, не отрываясь, смотрел на трибуну, как и все собравшиеся. И вот к трибуне подошел человек среднего роста. Не спеша расположился на трибуне, налил в стакан воды и, отхлебывая маленькими глотками, долго рассматривал нас.

— Знакомится...— прошептал кто-то.

Когда взгляд директора обошел все ряды, он поставил стакан на место и обстоятельно рассказал о себе, начав, естественно, с трудного детства.

— Вопросы есть? — спросил он.

Вопросов не было.

— Жаль,— сказал директор и продолжал: — Товарищи! Вы все прекрасно понимаете, как важно ценить рабочее время. Рабочие минуты, дорогие товарищи,— это золотые минуты. Как вам известно, в прошлом году завод план не выполнил. А почему? А все потому, что вы не берегли драгоценные минуты. Время, как птица, упустишь — не поймаешь...

Директор говорил о ценности рабочей минуты около часа. В заключение он торжественно произнес:

— Товарищи! Берегите время!

В тот день многие рабочие, и я в том числе, сменное задание не выполнили: времени не хватило.

Через неделю мы снова собрались в клубе. Зачем—никто не знал.

На трибуне появился директор. Вид у него был возбужденный. «Видно, случилось что-нибудь»,— подумал я. Высоко подняв голову, директор начал:

— Товарищи! Неделю назад я вам говорил о цене рабочей минуты и о том, как важно ее беречь. Но некоторые не понимают или не хотят понимать этого. Наш план продолжает трещать по всем швам. Поэтому я повторяю, товарищи, рабочие минуты — это золото, жемчуг и прочие драгоценности. И разбрасывать их никому не позволено!..

Собрание закончилось к концу рабочего дня, и сменное задание вновь приказало долго жить.

Через две недели мы опять срочно собрались в клубе. Директор снова пылко и страстно говорил о бережливом отношении к рабочему времени. На этот раз он был в ударе: рабочий день уже кончился, за окном нависли сумерки, а он все никак не мог остановиться...

Я встал и неуважительно перебил директора:

— Сергей Трофимович, а не много ли мы говорим?

Лицо директора просветлело. Он ласково посмотрел на меня и радостно сказал:

— Вы задали очень интересный вопрос. Новая, так сказать, тема. Не так ли, товарищи? Не будем откладывать в долгий ящик, соберемся завтра же и подробно обсудим. Все согласны? Вот и отлично!

г. Чарджоу.

Дм. ИВАНОВ, Вл. ТРИФОНОВ

ДЕЙСТВИЕ ПРОИСХОДИТ В НАШИ ДНИ...

Ну вот и опять опустевшую сцену заботливо прикрыл своей плюшевой полой театральный занавес. Уборщицы, взяв наизготовку шланги пылесосов, словно саперы, прощупывают фойе в поисках задушенных каблуками сигарет. Капельдинеры, скинув свои адмиральские кителя с шевронами, семенят по домам. Недавно заколотый Гамлет с удовольствием кушает на ужин разогретые супругой макароны...

А пахнущий одеколоном зритель бредет восвояси, вольготно ослабив галстук. Яркие сценические образы, захватившие его воображение, постепенно начинают улетучиваться, и какая-то неуемная мысль гложет зрителя. «Вся Дания — тюрьма! — думает зритель, вспоминая симпатичного принца, устроившего такой переполох в эльсинорском курятнике Клавдия.— И девушка Офелия достойна сочувствия. Все это ладно. А вот про нашу бы жизнь в другой раз посмотреть. Про заботы, про чаяния... Да мало ли?..»

Что поделаешь, драматургия всегда в долгу. Это ее, так сказать, перманентное состояние. И чем больше она дает, тем больше неоплаченных счетов ей предъявляет жизнь. И вот на определенном этапе жизнь властно повелела, чтобы на театральных подмостках зрителю был продемонстрирован рабочий класс во всей присущей ему красе.

Ныне театры дают «зеленую улицу» пьесам о тружениках. Потому и драматурги все охотнее делают героями своих сочинений рабочих людей.

Нам случилось видеть одну пьесу с совершенно великолепным реестром действующих лиц.

АГЕЙКИН Петр Устинович — потомственный кузнец.

АГЕЙКИН Глеб — его сын, токарь.

САМОХИНА Светлана — невеста Глеба, сверловщица, член заводского комитета комсомола.

ПТИЧКИНА Нина — контролер ОТК, участница заводской художественной самодеятельности.

Не станем продолжать. Все прочие герои сопровождались такими же весомыми ремарками. История же, рассказанная автором, не имела никакого отношения ни к работе завода, ни к заводскому комсомолу, ни, наконец, к заводской художественной самодеятельности. Она вообще не имела никакого отношения к нашей сегодняшней жизни. История эта была, что называется, высосана из пальца, и от нее несло откровенной пошлостью.

Кто-то из больших теоретиков театра сказал, что хорошую пьесу всегда возможно рассказать в нескольких словах.

Так вот, в нескольких словах.

Означенный токарь Агейкин Глеб во время субботнего коллективного выезда за город выпил лишнего и, наплевав на свою невесту, члена заводского комитета комсомола сверловщицу Самохину Светлану, стал таскать в соседние кустики то контролера ОТК и участницу художественной самодеятельности Птичкину Нину, то других славных девушек — фрезеровщиц, разметчиц, шлифовщиц, которых мы просто поленились назвать. За эти свои гнусные действия Агейкин Глеб и получил при всех по мордасам от потомственного кузнеца и своего отца Агейкина Петра Устиновича.

Да, мы видели эту пьесу. К счастью, видели не на сцене, а в рукописи. Больше, бог даст, ее никто не увидит. И дело тут, конечно, не в том, что действие «рабочей пьесы» вынесено на природу. В театре сложно развернуть действие возле работающего настоящего блюминга, слябинга, доменной печи или какой-нибудь захудалой вагранки. Дело в сути. Зритель справедливо хочет, чтобы артисты не просто были наряжены в спецовки, а потрясали его глубиной точно подмеченных современных конфликтов. И дело это не простое.

Когда бы речь в пьесе шла, к примеру, о хирурге — тут существует хорошо накатанная дорожка. Герой-хирург должен совершить что-то неслыханное, не имевшее прецедентов в мировой медицине. Скажем, заменить больную голову на здоровую путем пересадки. Или отхватить человеку любую половину туловища. Или ввернуть новый глаз вместо плохого, старого. Это близко и доступно всякому. Это трогает.

Но вот если драматургу его герой привиделся токарем и отличный тот токарь жизнь кладет, чтобы заменить металлические втулки на пластмассовые,— это уже другая песня, другой сказ.

Для непосвященных втулки — дело загадочное, если не сказать темное. И вряд ли судьба втулок, будь они железные, полистироловые, деревянные, текстолитовые, керамические, пенопластовые или хрустальные, заставит зрителя, сопереживая, терзать обивку своего стула в партере.

Да и не задача театра — заниматься внедрением рацпредложений. Для этого существуют, как минимум, бризы. И вот конфликт в пьесе из области, так сказать, материальной переводится в область, так сказать, моральную.

Это выглядит так. Некто молодой и горячий является в некий производственный коллектив со свежей идеей. Но в коллективе находятся любители спокойной жизни и временно непонятливые товарищи, которые хотят эту новую идею заморозить. И самое поразительное, что громадный коллектив, в общем-то дававший план и не висевший хомутом на шее государства, оказывается, не подозревал, что живет и функционирует по старинке. Только молодой-горячий знает, что и как надо. Но и этого мало. Всем зрителям от нулевого контрамарочного ряда до «мест неудобных» на галерке с полунамека ясны великие преимущества предлагаемых молодым-горячим втулок или новых режимов плавки. И не потому, что в зрительном зале собрались специалисты металлургии. Просто задача, решаемая на подмостках, с заданным концом. Решение ее зрителю давно известно. Зритель знает, что больше всех ставить палки в колеса молодому-горячему будут люди седые и лысеющие, консерватизм которых задан их возрастным цензом. Зритель знает и то, что молодой-горячий в борьбе за идею наверняка лишит себя обыкновенных человеческих радостей. Молодые-горячие из пьес не ходят на футбол, отказываются от очередного отпуска, не шляются по гостям. Даже про собственную свадьбу молодой-горячий может забыть, засидевшись над чертежами. Зритель знает и еще многое...

Но одного зритель чаще всего не знает. Он не знает, что на второй странице пьесы после перечисления действующих лиц шаловливая рука автора вывела фразу: «Действие происходит в наши дни». Потому-то в репликах персонажей появляются точные временные привязки, не оставляющие сомнений, что на дворе у нас нынче семидесятые годы двадцатого века.

Кто-то из упомянутых лиц глубокомысленно заявляет: «Я как кошка под дождем... Помнишь, у Хемингуэя?..» А есть еще «демографический взрыв», «урбанизация», «акселерация» и, конечно же, набившая оскомину «некоммуникабельность». Всуе тревожатся имена великих физиков и естествоиспытателей:

— А знаешь, что сказала жена Эйнштейна, когда ей пытались объяснить устройство вселенной? «К чему так сложно,— сказала она,— мой муж это делает на обратной стороне конверта...»

Но даже пикантный анекдот «эйнштейновской обоймы», заимствованный из отрывного календаря для женщин, не очень убеждает в повышенном интеллекте персонажа, в том, что он тоже не лыком шит. И уж тем более все эти хилые ухищрения не в силах заменить современный конфликт, свежую мысль и сильный характер.

Вот за что драматург может быть спокоен, так это за то, что положительного героя будет в театре играть статный артист с таким честным лицом, что захочется чеканить с его профилем какую-нибудь монету. Разумеется, он в результате одержит верх, если не под занавес, то после закрытия оного. Зритель это тоже знает и сочувствует потенциальному герою зачастую просто из приличия. Но драматург, претендующий на звание пусть не инженера, а хотя бы техника-смотрителя человеческих душ, всегда имеет запасную красочку в своей палитре. И вот личная жизнь молодого-горячего приобретает грозовой оттенок.

И не припомнить, пожалуй, положительного героя, у которого бы на личном фронте не было хронических неудач. Жены, подруги и любимые девушки самым бесстыдным образом треплют нервы молодым-горячим. Одни из подруг оказываются ограниченными мещанками, сосредоточившими всю свою жизнь на приобретении арабской спальни «Тюльпан». Другие вероломно отдают себя «людям, умеющим жить» — снабженцам и администраторам или «интересным людям» — заезжим художникам и писателям. Третьи—это просто мятущиеся души, спонтанно уходящие из семьи, чтобы вернуться, и возвращающиеся, чтобы уйти. В то же время персонажи плохие подозрительно счастливы в личной жизни.

Ну как тут не пожалеть хорошего человека! Ведь у него такая трудная любовь...

Впрочем, что это мы все о серьезном? Не пора ли улыбнуться? Тем более, что в любой добротной пьесе серьезное непременно соседствует со смешным. Вот почему в самый неподходящий момент в крепко сбитое тело сюжета путем решительной инъекции вводятся пришлые люди. Скажем, корреспондент из газеты, ищущий в рабочем коллективе «типичного представителя». Разумеется, корреспондент в результате полной неосведомленности суется в ковш с расплавленным металлом, подставляет голову под паровой молот, виснет на крюке подъемного крана или скатывается по транспортеру в цементный раствор. Никакого интервью взять ему, конечно, не удается, так как положительному герою не до него. Как раз сейчас у того происходят важные катаклизмы: чинуши угробили проект, или друзья, не поняв, отвернулись на время. И представителю прессы приходится беседовать либо с отпетым прогульщиком, который так и сыплет опереточными каламбурами, либо с неким общественным деятелем, эдаким ортодоксальным динозавром. Понятно, что корреспондент, не набравшись ума, точно таким же дураком появится в следующей «рабочей пьесе».

Но по нынешним временам корреспондент — это слабовато. Куда привлекательнее вывести на сцену съемочную группу кинохроники, а еще лучше — телевизионную бригаду. Режиссер их обрядит в пестроклетчатые пиджаки, малиновые джинсы и пугающие черные очки. Будет и ассистентка с сигаретой в зубах и в бессовестной юбке. Купаться в этакой фактуре для неважных артистов — сплошное наслаждение. И зал встретит «номерочек» злорадным хохотком.

Однако, продолжая список подобных тертых приемов, не сочиним ли мы невольно некое пособие по выпечке конвейерным способом скверных пьес «на рабочую тему», которых и без того хватает? Поэтому на сегодня достаточно...

Куда смотрит директор?

Так уж случилось, что редактор издательства «Крым» Григорий Таран обожал легенды. И когда издательство переиздавало пестрые книжицы «Легенды Крыма», наш герой неизменно значился в них то составителем сборников, то обработчиком сказаний древней Тавриды, записанных и опубликованных различными авторами в разные времена.

И хоть некоторые утверждали, что в тарановой обработке легенды звучат заметно хуже, чем в оригиналах, издательское начальство его не притесняло. Дескать, не все сразу, набьет руку, и дело на лад пойдет.

Так и шло, пока однажды поутру не явился Григорий Таран в родное издательство сам не свой: лик бледный, взор блуждающий, потрясенный. В смятении поведал Г. Таран роковую тайну неверному другу, откуда и слух пошел. То ли во сне, то ли наяву, но пожаловал к нему призрак усопшего краеведа и писателя прошлого века В. Х. Кондараки. Явился и грозно возгласил: «Как посмел ты рукой неумелой покорежить легенду мою «Почему Черное море бурливое», что опубликована была в книге моей «Универсальное описание Крыма» во граде Санкт-Петербурге, в году 1875-м? Отвечай!»

Пал Г. Таран на колени. Повинился. Страшную клятву дал той запретной легенды впредь не касаться.

И верно, с год или поболе Г. Таран слово держал. Но потом то ли страх повыветрился, то ли лукавый попутал, но опять принялся легенды на скорую руку подновлять. Где подсократит чуть, где словечко добавит.

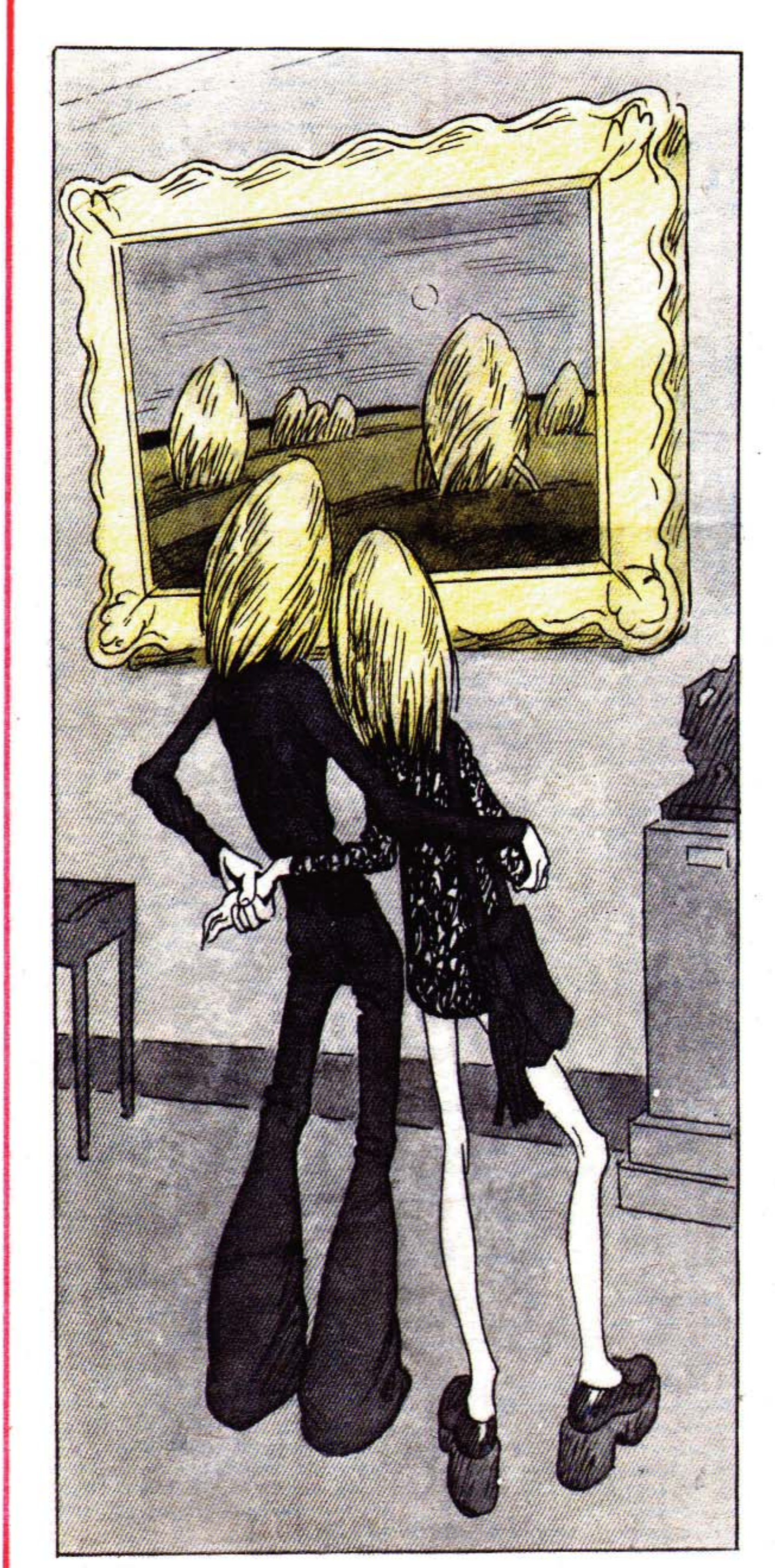
Текли годы. Стали нашего героя величать уже Григорием Ивановичем, а издательство «Крым» переименовали в «Таврию». Только книжицы легенд по-старому назывались «Легенды Крыма». Иные из них казались уже Григорию Ивановичу вроде бы собственными кровными произведениями.

И снова рискнул Григорий Иванович да и включил запретную легенду «Почему Черное море бурливое» в очередную книжицу. Никаких претензий из потустороннего мира не последовало. И вовсе тогда расхрабрился Григорий Иванович. Чего церемониться? И появилась в 1973 году на свет очередная книжица «Легенды Крыма», где он рекомендуется читателям уже не только составителем, но и автором некоторых легенд. В частности, и той самой, запретной. Правда, на всякий случай Григорий Иванович ее название малость изменил. Именуется она теперь уже не так длинно и старомодно, как у Кондараки, а короче и современней — «Тайна Черного моря». Остальное все, как у Кондараки. И представьте, мстительный призрак ни гу-гу. Молчит.

Но чего по давности лет не углядел призрак, то легко заметили живые. И пошли толки. И прозвучало слово — плагиат.

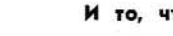
А как же издательское начальство? Что директор? А ничего, молчит. Да и какой ему резон шум поднимать, когда директор издательства «Таврия» и есть Григорий Иванович Таран?

Нестор ТАВРИЧЕСКИЙ.

«СТОГА». Рисунок А. КРЫЛОВА

Игорь МАРТЬЯНОВ

Выкрутасно!

Я живу во Внукове.
Самолетно.
Я живу во Внукове.
Травно. Знойно.
Никогда мне не было
так спокойно.
Так далеко, сумрачно,
колокольно,
Так сосново с пеночкою
в лесах.

А. БОГУЧАРОВ

Я, друзья, поведаю
Вам охотно,
Что живу во Внукове
Самолетно.
А на Волге, стало быть,
Жил бы водно,
Рыболовно,
Лодочно,
Пароходно.
Только больше Внуково
Мне потребно —
Здесь сосново. Сумрачно.
Травно. Небно.
Здесь порхают пеночки.
Птично. Стайно.
Я хожу по Внукову
Сочиняйно.
Сочиняю вирши я
Складно. Классно.
Только, может, чуточку
Выкрутасно!

Виктор ЗАВАДСКИЙ

Я не из тех

Я не из тех, кого раздули.
Почти непризнанный хожу.

..Устроит в мрамор переход.

Михаил ЛЬВОВ

Другой бы не сказал,
а я скажу:
Я все еще непризнанный
хожу!
Ну что ж, я не из тех,
кого раздули,
Скорее я из тех, кого надули.
Я правды откровенной
не боюсь,
Сам на себя несказанно
дивлюсь.
И то, что я непризнанный
хожу,
Я просто неприличным
нахожу.

Я этим непризнаньем
возмущаюсь:
Поскольку я всех лучше
улучшаюсь
И стал живым и правильным
примером
Всем пионерам
и пенсионерам.
Я справедливый, добрый,
милый, честный.
Я заслужил самооценки
лестной.
И то, что я непризнанный
хожу,
Я просто беспардонным
нахожу.
И мы теперь должны
подумать толком,
Как все же сохранить меня
потомкам.
Нет, я пока не думаю:
пора, мол,
Подумать мне о переходе
в мрамор.
Я в бозе не почил, и я
не бонза:
Меня пока устраивает бронза
А то, что я непризнанный
хожу,
Я просто святотатством
нахожу.

Вяч. СМИРНОВ

Головоломка

Для чего казнюсь я,
в самом деле,
Над строкой без отдыха и сна!..

Алексей МАКСАЕВ

Неужели
ради куцей строчки,
часто бесполезной вообще,
ни отдохновенья,
ни отсрочки
нет
моей измученной душе!
Но возможна
выгода прямая,
если руку все-таки набить...
Над вопросом
голову ломаю:
«Быть поэтом мне
или не быть!»

таланты и поклонники

— В рабочее время — объяснение в любви?
— Нет, репетиция.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

МУКИ БОРИСОГЛЕБСКОЙ МЕЛЬПОМЕНЫ

В. КОТЕНКО,
специальный корреспондент
Крокодила

25 октября 1972 года Мельпомена — муза театра, назначила свидание жителям села Пески. БДТ хотел дать там выездной спектакль «Трибунал».

Колхозники побрились, надели галстуки. Взволнованные, долго ждали, но Мельпомена на свидание не явилась, то есть театр не приехал.

А через месяц Мельпомена снова начала говорить о своих чувствах к песковцам, намекала, мол, жить без вас не могу.

— Пардон! — говорила она. — Прошу прощения за прошлый обман. Ждите в гости.

И опять не приехала.

— Хоть бы мы жили где-нибудь на краю света, а то ведь в тридцати пяти километрах от БДТ,— вздыхали колхозники.

Через полгода из села пошла жалоба на упомянутую музу в областное управление культуры. «Пусть они нам или спектакль покажут, или деньги вернут», — писали колхозники. Управление направило музе грозную депешу за подписью начальника управления Н. П. Никифорова: «Предлагаю до 5 мая 1973 года показать спектакль зрителям села Пески и решить все финансовые вопросы».

А как его покажешь? На смену спектаклю «Трибунал» пришел уже новый. А деньги, понятно, возвращать БДТ не очень-то хотел.

Наконец 11 октября 1973 года муза осчастливила село своим посещением. Правда, спектакль она захватила с собой другой — «Наказание без преступления».

— Милости прошу, у кого билеты не потеряны, — растворила муза объятия. — Без преступления накажем!..

А у кого билеты не потеряны? За год-то? Кто не потерял, тот выбросил или сынишке поиграться дал.

Не знаю, как там это дело уладили. Может, пускали в зал тех, кто свое место и ряд наизусть помнил. А может, по каким-нибудь особым приметам. Но только творческой радости колхозники от этого свидания все равно не получили.

— Лучше бы деньгами отдали,— расходясь, твердили зрители.

Но пора, кажется, внести некоторую ясность. БДТ — это не знаменитый Ленинградский Большой драматический театр, а скромный драматический театр в городе Борисоглебске, Воронежской области. И он горит. Прогорает из-за отсутствия зрителя.

Нет ничего страшнее, чем видеть, как во время действия зрители уходят из зала. А борисоглебцы уходят. Еще чаще не приходят совсем. И вот на сцене 20 человек, а в зале пять, да и то добрые знакомые артистов.

Месткомы предприятий, желая поддержать свой театр, на профсоюзные деньги закупают билеты и раздают их бесплатно: иди, борисоглебец, приобщайся к высокому искусству! А борисоглебец билет возьмет, поблагодарит, сам же вечерок у телевизора скоротает. Не помогают ни всеобщие комсомольские призывы, ни угрозы лишить прогрессивки. Даже в рабочее время зрителя в театр не загонишь. Хотели наказывать билетами в театр нарушителей уличного движения, так пешеход стал бдителен, правила соблюдает.

Конечно, где возьмешь зрителя, если в городе 65 тысяч жителей, а театр остается приблизительно на том же художественном уровне, что и при купце Мягкове, построившем его на свои сбережения!

И вот теперь этот купчина ехидно почесывает бороду на том свете. Придал он забот городским и областным властям плюс Министерству культуры РСФСР. У всех головы кругом от неразрешимых вопросов. Где взять зрителя? Вот если бы купец Мягков баню отгрохал или, скажем, столовую самообслуживания! Народ бы валом повалил, отбою бы не было!

И каждая инстанция хочет нерентабельный театр другой инстанции отфутболить. Область его в городской бюджет переводит, а город спит и во сне видит, чтобы тоже от театра отделаться. Никому из-за него по миру идти не хочется.

Да, трудно театру в этом небольшом городе. Трудно, когда городские власти не могут обеспечить всех артистов приличным жильем. Трудно, когда за один год из труппы в 32 единицы уходит 24.

А вот, скажем, собираются борисоглебцы на гастроли.

Борисоглебскому театру положено давать в год 150 разъездных спектаклей. Артисты садятся в автобус «Кубань». Но в этом автобусе любой самый пламенный дар остынет, потому что автобус этот не отапливается. Других машин нет. И в театральном коллективе, если и ведутся жаркие споры, то не на творческие темы, а что лучше: ездить на гастроли в нормальном теплом автобусе или не ездить совсем?

К сожалению, купец Мягков после себя не оставил другого мецената и попечителя. Театром в Борисоглебске сейчас интересуются главным образом пожарники, автоинспекция, санинспекция, да еще его раздирают на части ревизоры. Конечно, руководителю не обязательно быть театралом, и все же я спросил у секретаря горкома партии Виктора Васильевича Никонова и председателя горисполкома Ивана Ильича Ершова, когда они последний раз были в своем театре. Секретарь не смог вспомнить, а председатель — тот молодец. Недавно был. Проводил в этом здании какое-то производственное совещание.

И еще не везет театру с директорами. Меняются они по меньшей мере в год два раза. Причем каждый — реформатор. Один, к примеру, ломает ложи в зале. Другой по странной прихоти забивает оркестровую яму. У третьего еще какие-нибудь фантазии...

А что же Министерство культуры РСФСР? Получают ли провинциальные театры от родимого министерства конкретную помощь, кроме горячих призывов играть для народа? Если бы Борисоглебск был исключением! Проблема малого театра (не путать с Малым) большая. Не пора ли трезво посмотреть, как сохранить стабильность труппы, как улучшить репертуар, как повысить уровень режиссуры? Где тот суфлер, что наконец подаст нужную реплику? В общем, давно пора что-то предпринять. Или, как поговаривают, закрыть эти театры, или открыть их по-настоящему.

Ведь есть же в Литве город Паневежис. Население — 30 тысяч. А у театральной таблички «Все билеты проданы» маячат зигзагообразные очереди. И не пустышки, между прочим, там в театре показывают, а серьезные вещи. Там Банионис играет.

Ясно одно: если купец Мягков строил театр, нам его закрывать как-то неудобно.

г. Борисоглебск.

Г. ШАВЕРЗАШВИЛИ, специальный корреспондент Крокодила

ВПОЛНЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО

Жизнестойкость известного афоризма насчет того, что талант — это постоянный труд, недавно получила еще одно подтверждение. На этот раз в практике самодеятельного вокально-инструментального ансамбля «Северянка» клуба «Дорожник» строительного управления № 909 города Нижневартовска, Тюменской области. Даже в дни своего отпуска он не только не предавался разлагающему ничегонеделанию, а, наоборот, продолжал настойчиво служить искусству.

Но прежде чем поведать о творческом отдыхе ансамбля, хочется сказать несколько похвальных слов о его творческих буднях. Надо отметить, что они были увенчаны немалым успехом: в августе прошлого года «Северянка» заняла первое место в конкурсе самодеятельных ансамблей области.

— Мо-лод-цы! — раздавались восторженные возгласы строителей.— Еще пару месяцев — и заткнете за пояс любой профессиональный ансамбль!

Не остались в долгу перед певуньями ансамбля руководители стройуправления. После смотра главу «Северянки» Валентину Плотникову пригласили в местком. Разговор шел в песенном ключе:

— Летите, девушки, летите и хоть немного отдохните!.. Словом, получайте путевки в гагрский дом отдыха «Скала»...

И вот вокально-инструментальный ансамбль строительного управления № 909 в сопровождении нижневартовского «Диксиленда» под управлением Юрия Плотникова оказался в краю, где, как известно, море цвета неба, а небо цвета моря, где можно предаться заслуженному ничегонеделанию и хоть немного отдохнуть от смотров-конкурсов.

Но ведь недаром было сказано: талант — это постоянный труд... Следуя этой заповеди, Валентина Плотникова и выступила перед ансамблем:

— Помните, девицы, что нам кричали зрители в день нашего триумфа? Еще, мол, пара месяцев, и мы заткнем за пояс любой профессиональный ансамбль!.. Надо уже осваивать профессиональную сцену. Я тут на всякий случай прихватила из родимого Нижневартовска с десяток афиш. Посмотрите, как художественно разрисовано. Слева, значит, наш дорогой «Диксиленд» под управлением нашего дорогого Юрия Плотникова, справа, заметьте, наш женский коллектив под руководством вашей дорогой Валентины Плотниковой. В центре, обратите внимание, цена билета — один рубль... Ну чем не профессионально?

— Вполне,— закивали певуньи.— Только где же эти самые билеты ценой один рубль раздобыть?

— Ну это уж совсем просто... Вот вам тысяча билетов, как одна копеечка. Нет, нет, я вовсе не фокусница. Я всего-навсего художественный руководитель. А билеты мне дала на всякий опять же случай наша дорогая казначейша месткома Ида Николаевна Легкова. Ну, как, споем-сыграем?

— С удовольствием! — откликнулся ансамбль.

Остальное было делом голой техники. Сначала ансамбль продемонстрировал свои способности в клубе приютившего его дома отдыха. Потом откочевал исполнять цыганские песни в курзал санатория «Грузия». Затем переместился в санаторий «Украина». Наконец, завершили турне в санатории «Челюскинец»... Пели нижневартовские девицы бойко, хотя, правда, не всегда профессионально. Но зато вполне профессиональную сноровку проявили они, продавая публике нигде не зарегистрированные и не учтенные билеты. И уж вполне профессионально сумели пустить пыль в глаза руководителям здравниц, всерьез не поинтересовавшимся даже, что это за коллектив и откуда он появился.

Абхазская АССР.

— Не пойду! В публике кто-то чихает!

Рисунок В. ШКАРБАНА

Иван ЗАКОНОВ

ЭПИГРАММЫ

ПИШУЩЕМУ ТЯЖЕЛЫМ СЛОГОМ

Ты сбавил вес
В словесности
Из-за тяжеловесности.

ЛИТВЕЛЬМОЖЕ

Тебя я почитал,
Пока не... почитал!

РОМАН-РЕСТОРАН

Столько водки, вин
и пива,
Столько блюд вместил
роман,
Что назвать бы
справедливо
Это чтиво:
Ресторан!

ОДНОМУ ХУДОЖНИКУ

Рафаэль Санти — мэтр,
Ну, а вы —
Сантиметр!

Крокодил помог

«УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ВЕРБЛЮД»

Редакция получает немало жалоб от жителей ряда городов на плохое водоснабжение. Особенно страдают от отсутствия воды семьи, живущие на верхних этажах домов. Этой проблеме был посвящен фельетон Э. Полянского «Универсальный верблюд», опубликованный в № 22 журнала за прошлый год.

Заместитель председателя горисполкома Махачкалы тов. А. Приходько сообщил редакции, что в 1974—1975 годах будет осуществлено строительство напорных резервуаров в поселке Тарки, после чего водоснабжение пятых этажей в домах будет налажено.

Из Благовещенска-на-Амуре получен ответ от заместителя председателя горисполкома тов. Н. Чеботкова, в котором говорится, что в настоящее время снабжение водой в городе значительно улучшилось, заканчиваются работы по подключению десяти артезианских скважин непосредственно в водопроводную сеть. Вскоре закончится строительство второй очереди водопровода по улице Октябрьской.

Председатель Саратовского облисполкома тов. Н. Александров сообщил нам, что водоснабжение населения значительно упорядочилось после того, как в городе Балакове была пущена в эксплуатацию вторая очередь фильтровальной водопроводной станции.

Заместитель председателя горисполкома Кишинева тов. Е. Рысев сообщил редакции, что в настоящее время строится новый водовод для микрорайона Ботаника, который будет введен в эксплуатацию в ближайшее время.

«ЛОШАДИНАЯ ИСТОРИЯ»

Фельетон под таким названием напечатан в 32-м номере «Крокодила» за прошлый год. В нем рассказывалось о том, как плохо обстоит дело с обыкновенными лошадиными подковами. Их попросту негде взять. Предприятие, выпускающее подковы — Ямновский завод,— делает их явно недостаточно, цех конноподковного инвентаря там недостроен.

Редакция получила ответ из Министерства местной промышленности РСФСР, подписанный заместителем министра тов. Н. Потехиным.

Министерство, как сказано в ответе, предусмотрело полное обеспечение цеха недостающим оборудованием, сырьем и материалами.

Приняты меры к отладке и сдаче в эксплуатацию гвоздильных автоматов.

«КАРТОННЫЙ БАНТИК»

В фельетоне В. Привальского и Г. Древновской под таким названием («Крокодил» № 28 за прошлый год) говорилось о том, что, несмотря на установленное на московской фабрике-прачечной № 4 новое оборудование, качество стирки и глажения здесь оставляет желать, как говорится, много лучшего.

Как сообщил управляющий трестом «Московские прачечные» тов. В. Митрохин, фельетон обсуждался на собрании коллектива фабрики-прачечной № 4 с участием сотрудников треста и Управления бытового и коммунального обслуживания Мосгорисполкома. Факты, упомянутые в фельетоне, признаны правильными, намечены меры для улучшения качества обработки белья.

Вместе с тем тов. В. Митрохин сообщает о том, что существует ряд причин нарушения технологии стирки, которые не зависят от работников фабрики. Так, несмотря на неоднократные обращения треста к некоторым организациям Министерства легкой промышленности СССР об ускорении выпуска бельевых пуговиц из термо- и химически стойких материалов, вопрос этот до сих пор не решен. Нуждается фабрика-прачечная № 4 в реконструкции котельной и стирального цеха. И хотя техническая документация на эти работы давно уже готова, горплан не предусмотрел реконструкцию и в 1974 году.

Все эти претензии, несомненно, справедливы, и горплану и Управлению бытового и коммунального обслуживания Мосгорисполкома следует принять более решительные меры для решения назревших вопросов. Но это отнюдь не снимает ответственности с руководителей фабрик-прачечных, в том числе и четвертой московской, за то, что здесь грубо нарушается технология обработки белья на уже обновленном оборудовании, а организация труда далеко не совершенна.

Андрей КОЧЕТОВ

Рассказ

МЫЛЬНЫЙ ПУЗЫРЬ

Я человек маленький и к начальству страсть как почтительно отношусь. Не оттого совсем, что боюсь его или, к примеру, выслужиться стараюсь. Нет! Для меня показать руководству свою вежливость — одно удовольствие. Я стараюсь желания и мысли начальства на лету схватывать, пытаюсь предугадать их и предупредить. Ведь руководству самому нелегко приходится, бывает, и на его голову шишки валятся. Вот и выходит, что к своим руководителям следует повнимательнее быть. Не из карьеристских целей, а из соображений душевности.

Вот возьмите меня. Отделом, где я работаю, Филимон Порфирьевич заведует. Прекрасный человек, отзывчивый, добрый.

Вызывает он меня к себе и спрашивает:

— Вы, товарищ Мыльный (фамилия у меня такая), случайно не играете в...?

Подхватил я на лету его мысль и отвечаю:

— Играю, Филимон Порфирьевич, конечно, играю. Очень даже люблю поиграть.

— Тогда приходите, дорогуша, завтра вечерком, распишем пулю.

Согласиться-то я согласился, а что такое пуля, убей бог, не знаю. Приятелю позвонил, про пулю поинтересовался. Тот объяснил мне, даже практический урок по преферансу успел преподать, чтобы перед Филимоном Порфирьевичем я лицом в грязь не ударил. Сидели до трех ночи. За учение пришлось кругленькую сумму выложить. Проигрался я, как водится. Игра эта мне, честно, не по вкусу пришлась. Но надо же было начальству угодить, внимание ему оказать.

Филимон Порфирьевич был рад. Что, говорит, за преферанс втроем. Интерес не тот. А вы, товарищ Мыльный, очень кстати нам компанию составили. Молодец.

Почти месяц я с Филимоном Порфирьевичем в карты играл. Мучился, от проигрышей страдал, но не зря. Терпение мое было вскоре вознаграждено. Персональную надбавку к окладу подбросили.

Потом, помню, как-то в пятницу, под самый конец рабочего дня вызывает меня Филимон Порфирьевич к себе и опять спрашивает:

— Вы, товарищ Мыльный, не увлекаетесь...?

— Увлекаюсь. Конечно, увлекаюсь, Филимон Порфирьевич. Дня без этого прожить не могу. — Уловил я его идею с полуслова.

— Ну так собирайте свои мормышки и завтра утречком отправимся.

Позвонил знакомому. Убей, говорю, не помню, что за штука такая — мормышка. Слышал о ней, но забыл. Тот объяснил мне. Удочки свои даже дал напрокат.

Сидим с Филимоном Порфирьевичем на льду, в лунки уставились. Молчим, словно в рот воды набрали. Говорить он мне запретил. На рыбалке, мол, тихо вести себя положено. От этой неподвижности и оцепенения у меня в глазах зарябило, голова закружилась. Противно как-то стало. Но терплю. Очень уж хочется Филимона Порфирьевича уважить, почтение ему оказать.

Уваживал я его подобным образом месяца полтора. Каждую неделю уваживал. А в один прекрасный день премию мне подкинули, за то, что инициативу на трудовом посту проявляю.

Или еще. Вызывает Филимон Порфирьевич к себе и пытает:

— Вы, товарищ Мыльный, не балуетесь...?

— Балуюсь,— отвечаю,—очень даже балуюсь, Филимон Порфирьевич. Люблю побаловаться,— предугадал я мысль начальника.

— Ну тогда завтра и отправимся. Шайку прихватите и веник позлее. Не забудьте.

Звоню приятелю, объясняю ситуацию. Так, мол, и так, начальство куда-то приглашает, шайку просит с собой захватить. Куда, интересуюсь, с шайкой и с метлой ходят? Объяснил тот мне.

Три месяца подряд мы с Филимоном Порфирьевичем по воскресеньям в бане парились. Спину я ему мылил, веником по ней прохаживался. Худо мне в парной было, сердце заходилось, перебои давало. Но я крепился, внимание Филимону Порфирьевичу оказывал.

И на этот раз отреагировал начальник на мою вежливость. Благодарность в приказе объявил за добросовестное отношение к служебным обязанностям.

Вот так я Филимону Порфирьевичу все время и старался сделать что-нибудь доброе, приятное.

А тут неожиданно по отделу слух пошел — уходит Филимон Порфирьевич от нас. Переводят его куда-то.

Вызывает меня начальник напоследок к себе и говорит:

— Вы, товарищ Мыльный, не хотели бы...?

А чего теперь мне бояться? Кто он такой, Филимон Порфирьевич? Никто. Не начальник уже. С какой стати я ему уважение оказывать буду? Я ведь только к руководству почтительно отношусь.

— Извините, — говорю,—Филимон Порфирьевич, не хотел бы, — ухватил я его идею. — И вообще, — продолжаю, — чихал я на преферанс. Рыбная ловля ваша у меня поперек горла стоит. А уж парилка — ничего более гадкого в жизни не встречал. Так что увольте, Филимон Порфирьевич, увольте.

Вышел я от него. Душа поет. Впервые за многие годы начальству правду-матку в глаза выложил. Доволен собой.

Тут хватает меня за локоть один из наших сотрудников. Подхалим стопроцентный, неприятный тип, лизоблюд махровый.

— Ты от Филимона Порфирьевича? — спрашивает он.

— Да, — отвечаю.

— Берет он тебя?

— Куда берет? — взглянул я на него. — Хотел взять, но я сам отказался. Хватит.

— Да ты, Мыльный, часом не рехнулся? Филимона-то Порфирьевича главой управления назначили.

Тут во мне внезапно что-то лопнуло.

— Ты почему так много выносишь?
— Так я же, Петрович, вчера не брала!

Тема Ю. ОЛОВЯНОВА (г. Ярославль).

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

ДЕНЬГИ НА РАДИАТОР!

Так уж повелось: коль перебежала дорогу черная кошка — быть беде!

А если дорогу перебегает лось? Не черный, а обыкновенный — коричнево-золотой?

Водитель такси Бугульминского пассажирского автотранспортного предприятия Нагорнов вернулся в гараж на искалеченном «Москвиче». Чуть ли не на буксире его приволокли.

На стихийный шум, что возник на территории гаража, вышел сам директор Юнусов.

— Что за шум, а драки нет?

— Драка уже была...— сказал кисло-уксусный Нагорнов, кивая на вмятины-гармошки и трещины-паучки на теле «Москвича».

Юнусов сердито взметнул вверх директорские брови.

— Хорошенькое дело! А ну, дыхни!

Перегаром не пахло. Мягко улеглись директорские брови.

— Это кто же тебя так разукрасил?

— Да лось! — выкрикнул в сердцах Нагорнов.— Черт бы его побрал! Взял и протаранил. На шоссе Бугульма — Бавлы. Шальной какой-то. Даже зажженных фар не испугался.

— И куда только общество охотников смотрит? — возмутился директор.— Из-за этих лосей, понимаешь, все наличные такси в металлолом можно пустить! Нет, этого дела я так не оставлю!

Сказано — сделано. Директор немедленно отстукал исковое заявление в народный суд. Дескать, берите охотобщество за рога и копыта — пусть раскошелится! За то, что находящийся в его ведомственном подчинении лось вывел из строя автомобиль. В общем, деньги на радиатор! Для восстановления машины.

Вскоре состоялся телефонный разговор между директором и нарсудьей.

— Пятисот рублей хватит на первый раз? — поинтересовался судья.

— Пятисот рублей? — ошалело переспросил директор.— Это же великолепно! Не знаю, как и благодарить вас!

— Не стоит благодарности... Короче, готовьте.

— Что готовить?

— Пятьсот рублей.

— Как? За что?

— Так. Согласно существующему законодательству. За причиненный ущерб государственному охотничьему фонду. Лось-то того... концы отдал!

Какая сцена последовала вслед за этим в кабинете Юнусова, нам неведомо. Но штраф взыскали. Прямиком в охотничий фонд.

Ну а деньги на ремонт искалеченного радиатора придется выложить самому автотранспортному предприятию. Из чьего кармана — это уж воля директора Юнусова. Как он решит, так и будет.

Вахит МАНАСЫПОВ.

г. Казань.

НЬЮ-ЙОРК. Агент нью-йоркской полиции Патрик Квинн решил на практике проверить, каково приходится жителю города или туристу на улицах в ночное время. Он притворился пьяным и, шатаясь, пошел по Восьмой авеню. Вскоре к нему подошла группа молодых людей и отняла бумажник. Час спустя прохожий сорвал с его руки часы, и, наконец, незадолго до рассвета у него стащили кольцо с пальца. Разница между обычным человеком и Квинном заключалась в том, что свое имущество он смог вскоре получить обратно, так как за ним незаметно следовали четыре полицейских, которые после каждой «операции» задерживали злоумышленников.

КОПЕНГАГЕН. У датских авторемонтников издавна существовало доброе правило: чтобы не оставлять клиента без колес, на время ремонта предоставлять ему мотоцикл. Но ведь мотоциклу требуется бензин, жидкость, ныне чрезвычайно дефицитная в Западной Европе. Очевидно, в ближайшие недели в Дании появится новый обычай: покуда подковывают верховую лошадь, заказчик получает осла.

ЛОНДОН. Телевидение причиняет большой ущерб... мебели. Так утверждают здесь специалисты в области мебельной промышленности. Особый вред причиняют телевизионные детективы. Дело в том, говорят, и, видимо, не без основания, специалисты-мебельщики, что телезрители, смотрящие такого рода программы, непрерывно ерзают на месте, в азарте колотят кулаками по ручкам кресел, ломая их. Учитывая это, специалисты рекомендовали фирмам изготовлять мебель повышенной прочности специально для экспансивных телезрителей.

БЕЛФАСТ. Судя по всему, депутаты созданной недавно по лондонской выкройке Североирландской ассамблеи всерьез займутся каратэ, джиу-джитсу и другими видами усовершенствованного рукоприкладства. Причем понадобится это им не столько для защиты от гнева соотечественников, протестующих против создания марионеточной ассамблеи, сколько для политических дискуссий в ее стенах. Примером подобного шага вполне может служить потасовка, вспыхнувшая недавно между депутатами лояльной Лондону юнионистской партии. Вооружившись лозунгом «Бей своих — чужие бояться будут!» и кое-какими подвернувшимися под руку предметами, юнионисты основательно намяли друг другу бока уже на одном из первых заседаний.

ЙОКОГАМА. Власти этого японского города вынуждены были зарегистрировать первое в своем роде преступление, порожденное нынешним энергетическим кризисом и вздорожанием горючего. Злоумышленники, запасшиеся, по всей видимости, необходимыми техническими приспособлениями, похитили из подземного хранилища 4 600 литров бензина.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

ФОРТЕБРАЧЧО
(Италия)

По коням!

Мы уже давно подозревали, что в рабочих семьях верховая езда становится все более популярным спортом. Конечно, кое-какие сомнения у нас были, однако и они развеялись, когда на днях мы прочли в «Коррьере делла сера» о том, что так называемое «второе открытие коня» становится повсеместным. «Есть люди,— писала газета,— которые до сих пор твердят, что верховая езда — это роскошь, позволительная лишь некоторым привилегированным категориям населения. Это совсем не так». В самом деле, уточняет газета, «прокат верховой лошади стоит всего лишь 15 тысяч лир в день».

И верно, недорого. Ведь средняя месячная зарплата итальянского рабочего — целых 130 тысяч лир. Разумеется, каждому начинающему жокею предстоят кое-какие мелкие расходы, не без этого. Первым этапом подготовки, несомненно, должно стать изучение элементарных правил верховой езды. Для этого достаточно 20 уроков, средняя стоимость которых не превышает, заметьте, 60 тысяч лир. «Очень хорошее капиталовложение»,— замечает по этому поводу «Коррьере делла сера».

Как все вы, конечно, знаете, рабочие — это классические расточители. И они тем более не останавливаются перед расходами, когда речь идет о действительно «хорошем» капиталовложении.

Прослушав цикл лекций и овладев техникой верховой езды, слесарь или, скажем, грузчик вплотную подходит к мучительному вопросу: «А во что же я оденусь?» «Коррьере делла сера» по этому поводу информирует: «Замшевые сапоги, сшитые по заказу, 60 тысяч лир. Жокейские брюки — 25 тысяч лир. Жокейская куртка, предпочтительно из твида — 35 тысяч лир. Попона для коня из черного бархата — для наездников-мужчин, из темно-голубого — для наездниц-женщин — 11 тысяч лир. Жокейская шапочка черного цвета — 11 тысяч лир. Прочие аксессуары — 13 тысяч лир».

Вчера в поезде мы встретились с одним нашим другом — депутатом-коммунистом, который большую часть своей жизни проводит среди трудящихся. Так вот он тоже считает, что верховая езда — действительно забава очень распространенная. Дело доходит до того, что в рабочих семьях чуть ли не ежедневно происходят шумные ссоры, особенно по поводу попоны: жены требуют черный бархат для себя, а темно-голубой предлагают мужьям, но те, естественно, отказываются. Лишь вокруг жокейской шапочки не кипят споры. Дело в том, что рабочие, решив сходить за ней в магазин, вдруг обнаруживают отсутствие денег. Остается копить, на что уходят годы. И тем не менее покойники-бедняки отправляются в последнее странствие с непокрытой головой. Да, это, пожалуй, единственный случай, когда бедняка от богача просто не отличишь.

Перевел А. ВЕСЕЛИЦКИЙ.

В ЧИЛИ

— Вход свободен, господа!

Рисунок В. ШКАРБАНА

Брудершафт.

Рисунок Бориса ЛЕО

БЫЛО ЛИ ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО?

Д. УМАНСКИЙ

Говорят, недавно в ФРГ группа любителей истории объявила не вполне обычный конкурс: кто лучше всех докажет, что в гитлеровском «тысячелетнем рейхе» не происходило то, что, как известно, происходило.

Участники конкурса вскорости представили свои труды, и авторитетное жюри углубилось в их изучение. Едва только эта трудоемкая работа была завершена, как в кулуарах сразу же стало известно, что первая премия присуждается адвокату Манфреду Редеру.

Впрочем, это никого не удивило: адвокат как раз перед конкурсом выпустил брошюру, озаглавленную «Освенцимская ложь». В ней черным по белому сказано: «Уже давно неоспоримо доказано, что на немецкой земле никаких газовых камер не было. Доказано, что Гитлер не приказывал истребить другие народы. Все это — плод разгоряченного ума, судебные же процессы над так называемыми военными преступниками проводились с помощью фальсифицированных документов и лжесвидетелей».

Прочитав такое, да к тому же, что «рейх не хотел войны, а был втянут в нее своими врагами», члены жюри тут же единогласно присудили адвокату Манфреду Редеру первую премию со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями. Уже был назначен день и час официальной церемонии, как вдруг на пороге кабинета, где заседало жюри, появился господин лет под шестьдесят и, тяжело переводя дыхание, опустился на стул.

— Я совершенно случайно только что узнал о вашем конкурсе, сразу же на самолет и вот...— Он протянул свою визитную карточку: «Доктор Вильгельм Штэдлих. Член финансового суда. Гамбург».

— Гм... Гм...— смущенно промолвил председатель жюри.

— Вот именно! К тому же я сам был свидетелем того, чего в нашем рейхе вовсе не было... Вот! Тут все сказано...— И гамбургский судья протянул членам жюри свежий номер ежемесячника «Национ Эйропа».— Читайте!

Деваться было некуда, и члены жюри принялись за чтение статьи гамбургского судьи доктора Вильгельма Штэдлиха «Мои впечатления о концлагере Освенцим в 1944 году».

Впечатления были вот какие: «Освенцим я посетил три или четыре раза. И ни разу не мог там обнаружить ни газовых камер, ни печей для сжигания трупов, ни орудий пыток или подобных инструментов и устройств. У меня сложилось твердое убеждение, что в лагере царит безупречный порядок, с заключенными обращаются отнюдь не плохо и — упаси боже! — бесчеловечно. Наоборот! Эсэсовские охранники были весьма снисходительны. Мало того, для заключенных женского пола на их рабочих местах стояли бутылки с молоком. И что же? Теперь в музее концлагеря Дахау выставлена фотография: «Печи крематория Освенцима». А я узнал в этих печах хлебопекарню, которую мне показывали во время моего посещения Освенцима».

— Не крематорий, а хлебопекарня! Неотразимо! Вы попали в самую точку! — восторженно воскликнул председатель жюри.

— Можно только поражаться, что до сих пор никто до этого не додумался! — всплеснув руками, выкрикнул его коллега, представитель молодого поколения.— Оказывается, выпекали хлеб, а болтают черт знает что!

— Вот именно! Наш долг,— решительно заключил председатель жюри,— выдвинуть многоуважаемого господина доктора Вильгельма Штэдлиха на первую премию, а господина Манфреда Редера, у которого тоже бесспорные заслуги, передвинем на второе место.

Все согласились с этим разумным предложением и чуть ли не на руках вынесли лауреата № 1 в зал, где публика нетерпеливо ожидала официального оглашения результатов конкурса. Третья же премия, так сказать, в поощрительных целях досталась Акселю Шпрингеру за усердие его газеты «Ди вельт», убеждающей читателей, будто «в наши дни Гитлер считается уже не отребьем эпохи, а одним из ее великих явлений».

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Титов А. М. работал в хозяйстве неплохо, но в последние два года у него проявились отрицательные проблески».

(Из решения собрания)

Прислал Б. Левин.
г. Ростов-на-Дону.

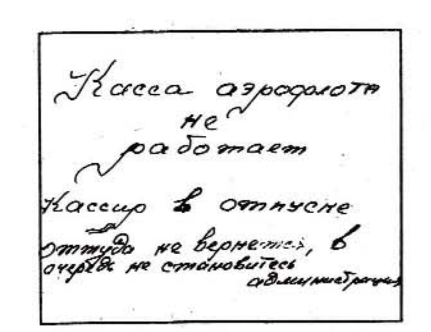

Магазин «Диета» в Челябинске.

Прислали А. Черный и В. Морозов.

Фото В. Радченко,
с. Луговое, Джамбулской области.

Касса аэрофлота
не
работает
Кассир в отпуске
оттуда не вернется, в
очередь не становитесь
администрация

(Объявление в помещении телеграфа).

Прислала Н. Кузнецова, поселок Энергетик, Оренбургской области.

Плакат на железнодорожной станции.

Прислал В. Гиль, г. Севастополь.

— Надо же, сегодня по моему графику опять выпивка предстоит, а бюллетень, как назло, кончился!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Валентин ЛАГОДА

Миниатюры

ЕГО РАСЧЕТ

На просьбу он вам
отвечает отказом.
Вы просите снова
и снова.
И снова он треплет вам
нервы, ни разу
Не вымолвив доброго
слова.

Все ж просьбу законную,
Год проволынив,
Исполнит с душевною
болью...
Зато ему будете вечно
отныне
Обязаны вы поневоле.

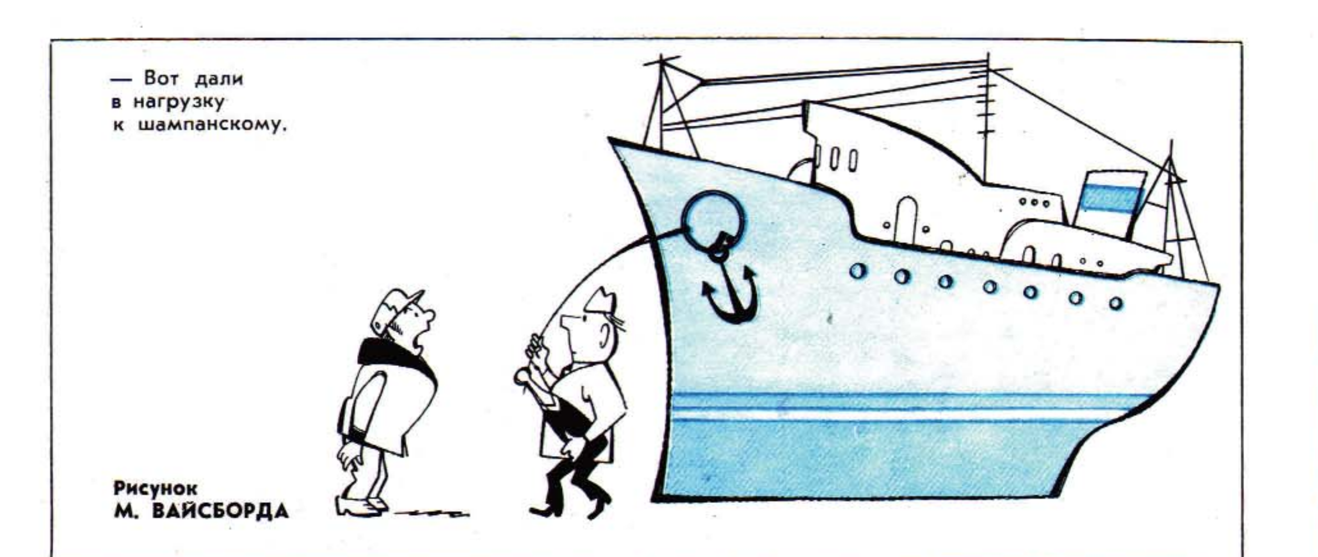
Перевел с украинского И. ЗОЛОТОРЕВСКИЙ.

ДОМАШНИЙ ПИРОГ

— Жена! Открой секрет
хоть раз!
Как ты месила тесто!
— Тебе скажи,
а через час
Соседям все известно...

— Рецепт мне нужен
на завод —
Не для соседей вовсе:
Ведь твой пирог —
переворот
В цементном
производстве!

Перевел с украинского Евг. НОВИЧИХИН

— Вот дали в нагрузку к шампанскому.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Иоанна ВИЛИНСКА (Польша)

ЛЮБОВЬ-1974

Отец. Куда это она так спешила?

Сын. Наверно, домой. Я не спрашивал.

Отец. Красивая девушка...

Сын. Ты так думаешь?

Отец. А ты нет?

Сын. Нет, почему же...

Отец. Поэтому ты ее даже не проводил?

Сын. Зачем? Пусть идет сама.

Отец. Некрасиво как-то.

Сын. Ничего, привыкла. Проводишь раз-другой — бог знает что еще вообразит.

Отец. Странно, что она тебе не нравится. Очень милая девушка.

Сын. Почему не нравится? Очень даже нравится.

Отец. Слушай, а может быть, ты в нее... того... ну...?

Сын. Может быть. А как это определить?

Отец. Тебе хочется быть именно с ней?

Сын. Мгм...

Отец. Ревнуешь ее?

Сын. Наверное...

Отец. Думаешь только о ней, никакая работа на ум не идет. Идет у тебя работа?

Сын. Не идет.

Отец. Так знаешь, что я тебе скажу, старик? Ты влюбился. Ты должен ей об этом сказать, а то кто-нибудь другой скажет, и — конец.

Сын. А знаешь, пожалуй, что-то в этом есть.

Отец. Не обязательно падать перед ней на колени и так далее. Просто скажешь ей: так и так, я тебя... того... ну, понимаешь?

Сын. Понимаю, только не знаю, как она это воспримет. Может, высмеет меня?

Отец. А давно у тебя это длится?

Сын. Два года.

Отец. Однако немало!

Сын. Но мы живем вместе уже около года.

Перевела Л. МАЛИНИНА.

— Зря теряете время, ребята: последний поезд уже ушел.

«Дейли миррор», Англия.

Прошло уже несколько дней с тех пор, как у маленького Антуана появилась сестричка, и его приятель Пьер спрашивает, как она ему нравится.

— Ничего, конечно, но я бы все-таки предпочел брата.

— Так попроси родителей, пусть они обменяют ее в магазине.

— Ну да, кто же будет менять! Мы пользуемся ею уже целую неделю.

●

Немолодая женщина приходит на консультацию к психиатру.

— Видите ли, доктор,— говорит она,— мой муж считает, что я сошла с ума. И это только потому, что я люблю блины.

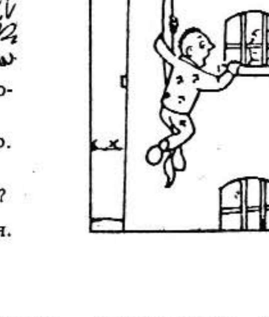
— Ничего особенного,— отвечает врач,— я тоже очень люблю их.

— Вот и прекрасно! — радуется женщина.— Вы непременно должны зайти ко мне: у меня оба шкафа и комод полны ими доверху.

— А знает ли он, что мы всего-навсего фоторепортеры?

«Аш-шааб», Алжир.

— Не могли бы вы одолжить мне полотенце?

«Панч», Англия.

Муж и жена поссорились. Когда муж возвратился с работы, он нашел на столе записку: «Обед в «Поваренной книге» на странице 215, а ужин на странице 317».

●

— Алло, дорогая! Это ты? Скажи, ты выйдешь за меня замуж?

— Ты серьезно спрашиваешь?

— Разумеется.

— Это нужно основательно обдумать. Позвони через пять минут.

●

— Почему вы отрицаете свою вину, подсудимый? В полиции вы все признали,— говорит судья.

— Да, господин судья, но моему адвокату удалось убедить меня, что я невиновен.

— Дорогая, у нас очень маленькая квартира, а дядя Джозеф, который попросился переночевать у нас одну ночь, живет с нами второй год. Пора с этим кончать! Я хочу, чтобы ты с ним переговорила!

— А почему я?

— Ну, а кто же? Это ведь твой дядя!

— Как мой? Я все время думала, что это твой дядя!

●

Умер старый официант. Вдова его ударилась в мистику, занялась спиритизмом. Однажды она сидела у столика, стараясь вызвать дух мужа, но столик не двигался.

— Ене,— зарыдала вдова,— почему ты не появляешься?

— Я этот столик не обслуживаю,— раздался в темноте слабый голос.

Мирослав МИТРОВИЧ (Югославия)

ЖАРА

— Добрый день. Я по повестке.

— Давайте.

Судья взял бумажку, подошел к картотеке и стал искать карточку. Оказавшийся перед ним еще довольно бодрый, румяный, почти цвета бордо старичок терпеливо ждал, обмахивая платочком раскрасневшееся от жары и пота темя.

— Садитесь.

— Спасибо.

Старичок опустился на расшатавшийся стул и посмотрел во двор суда. Казалось, под слепящим солнцем все там раскалилось добела. Сквозь открытые окна тяжелыми волнами вкатывался раскаленный июльский воздух.

— Ага, вот она...

Старик с трудом поднял измученный взгляд на судью.

— Итак, скажите, почему вы не убираете снег? — спросил судья.

— Простите, не понимаю.

— Снег, говорю. Почему никто не убирает снег?

— Извините. Может быть, я не очень хорошо вас понял. Вы сказали, почему я не убрал снег?

— Да.

Старик прищурился, глянул сквозь окно на опаленную зноем стену соседнего дома и переспросил:

— Снег, говорите?

— Да, снег...

Пауза. Видно было, что старичок мучительно пытается уловить какую-то ускользающую мысль, но никак не может поймать ее. Наконец он вздохнул и пробормотал:

— Ну и жара сегодня...

— Оставим сейчас это. Вам должно быть известно правило: каждый обязан расчищать снег перед собственным строением. А вы этого не сделали. Можете вы привести какие-нибудь убедительные мотивы в свое оправдание?

— Да... Поверьте мне, я не заметил никакого снега.

— Ну как же не заметили? Послушайте, что здесь написано: «Снег идет все время и образовал плотный покров до полуметра, что создало определенную опасность для прохожих...»

— Неужели вы верите в эту галиматью?

— Я читал вам не галиматью, а донесение должностного лица.

— Хватит с меня!

— А я вам говорю: не увиливайте от ответственности!

— Я снега не видел. И это для меня такая же истина, как сам снег.

— Позвольте тогда процитировать еще одно место: «19 января, около 11 часов, перед строением номер...»

— Ах, вы говорите о январе?

— Значит, признаете?

— Разве я могу сказать, что будет в январе? Может быть, вы скажете? Но почему вы вызвали меня по январским делам теперь?

— Что значит «что будет в январе»? Почему будет? Ведь январь уже был.

— Ах, вы о прошедшем январе?

— Ну конечно!

— Значит, о прошлогоднем снеге.

— Разумеется.

— Если так, все в порядке. Сколько я должен?

— Уплатите штраф — пять тысяч старых динаров.

— Пожалуйста, уплачу немедленно. Мог бы заплатить и десять тысяч, но в прошлом году все же снега было маловато.

Старичок, довольный, ушел. А судья нажал на звонок и позвал курьера.

— Дорогой, принеси-ка, пожалуйста, грелку.

— Не понял.

— Ох, что я говорю! Вентилятор принеси!

— Сейчас. Да, неимоверная сегодня жара.

— И позови следующего посетителя!

Перевел М. ГРИГОРЬЕВ.

Лифт.

«Лудаш мати», Венгрия.

— А теперь, фрекен Эльвира, попробуем соединить обе половины.

«Биллед-бладет», Дания.

Самообслуживание.

«Адвертайзер», Австралия.

— Извините, но у нас не прибрано. Не могли бы вы зайти в другой день?

«Эпока», Италия.

КРОКОДИЛ

№ 2 (2084)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, В. Владов, Ю. Ерофеев, Г. и В. Караваевы, В. Мохов, В. Мочалов, Ю. Степанов, И. Сычев, Л. Филиппова, А. Чикарьков, В. Шкарбан.

Главный редактор М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ (зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ (художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК (ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор А. В. КОТЕЛЬНИКОВА.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 27/XII 1973 г. А 00706. Подписано к печати 9/I 1974 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 600 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 442 450). Изд. № 14. Заказ № 1613.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.